

Извержение из духовного сана. К 80-летию Ю. Н. Солонина*

Е. Г. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Соколов Е. Г. Извержение из духовного сана. К 80-летию Ю. Н. Солонина // Философия истории философии. 2021. Т. 2. С. 361–375. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.123>

Статья посвящена вопросам взаимоотношения философии и власти, хождению философа во власть. Хотя в классических философских системах еще со времен Античности проблемам государственного устройства уделялось достаточное внимание, а в конце XIX в. сформировалось самостоятельная область — философия политики, — прецеденты, когда философы принимали непосредственное участие в выработке и реализации социально-политических программ, крайне редки и неуспешны. Случаи с Платоном и сиракузским тираном Дионисием, деятельностью Конфуция на посту крупного государственного чиновника, французскими просветителями и Екатериной Великой, Д. де Трасси и Наполеоном I, М. Хайдеггером и Третим Рейхом и др. это прекрасно демонстрируют. Между тем ориентация на практику, на целенаправленное внедрение идей в экзистенциальные и повседневные опыты жизни, в том числе и государственно-политической, столь же имманентны философии, как и чистое умозрение. Ю. Н. Солонин — пример такого философа-практика, государственного строителя. Исследуя философскую проблематику в своих философских теоретических работах, успешно руководя философским факультетом Санкт-Петербургского государственного университета на протяжении почти четверти века, он принимал деятельное участие также и в политической жизни как Санкт-Петербурга, так и всей страны. Пост сенатора в Федеральном собрании Российской Федерации, работа в различных комитетах и комиссиях, где избранные принципы концептуально артикулировались и получали свое стратегическое выражение, закрепляемое потом в принимаемых парламентом законах, — предоставляли возможность влиять на развитие государства, а также наглядно убедиться в справедливости или ошибочности своих сугубо интеллектуальных выводов. Поэтому опыт совмещения индивидуальной, конкретно-деятельностной и умозрительно-созерцательной сторон существования продуцента философских концептов (т. е. философа), а также то, как одно влияет на другое, может быть осмыслен в том числе и в рамках общей истории эволюции философской мысли как таковой.

Ключевые слова: философия, философ, власть, политика, государственное строительство, Федеральное собрание, Россия.

---

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ (грант № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде — Петербурге. Вторая половина XX века»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Без всякого преувеличения и подобающего случаю (80-летний юбилей!) пафоса правомерно утверждать, что из всех, кто так или иначе причастен к преподаванию философских дисциплин, а значит и к философии, в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете за всю его почти трехсотлетнюю историю (а это немалое количество людей) фигура Ю.Н.Солонина — в государственном, общероссийском, масштабе, в контексте значимых социокультурных движений своей эпохи — самая известная, самая «раскрученная». Мы ни в коем случае не умаляем заслуги, достижения, значимость и величие тех, кто трудился на санкт-петербургской университетской философической ниве, вспахивая ее, удобряя и лелея плоды, тем самым умножая славу отечественной науки в «золотые» (Ф. Струве, М. Владиславлева, А. Галича, Э. Радлова, А. Введенского и др., много потрудившихся для распространения философии в России, в создании при Санкт-Петербургском университете первого философского общества в России) и, в особенности, в «серебряные» (Н. Лосского, И. Лапшина, С. Франка, Н. Кареева, Л. Карсавина, П. Сорокина, покинувших Россию после Октябрьской революции и снискавших известность за пределами и университета, и города, и страны, равно как и тех, кто остался — М. Серебрякова, С. Поварнина) периоды нашей культурной истории. Тем более людей, связавших свою профессиональную жизнь с «новой историей» философии в стенах ЛГУ (СПбГУ), начавшуюся с открытия в 1940 г. философского факультета (ныне — Института философии) — М. Серебрякова, С. Поварнина, В. Рожина, В. Марахова, А. Федосеева, Ю. Перова, С. Дудника, Л. Резникова, М. Шахновича, И. Кона, С. Савельева, А. Белых, Е. Линькова, В. Ядова, В. Штоффа, М. Киссея, Б. Парыгина, И. Бродского, А. Галактионова, А. Замалеева, В. Кобзаря, М. Кагана, Е. Торчинова, М. Кравцову, В. Рудого и др., равно как и тех, кто ныне продолжает и развивает трехвековую традицию, наставляя и обучая будущих философов, — Б. Маркова, Я. Слина, К. Пигрова, И. Осипова, В. Савчука, А. Колесникова, А. Бродского, И. Тантлевского и многих-многих других. Об их вкладе в отечественную философскую мысль, об их значении для эволюции философии как таковой можно и нужно говорить, и он, т. е. вклад, — безмерен в том смысле, что оценить его по какой-либо «объективной шкале» (даже если она и составлена по формально-дисциплинарным критериям) и выстроить некий гипотетический «рейтинг» — весьма затруднительно, если вообще возможно в принципе. Оценка Ю.Н.Солонина как самой заметной фигуры в галерее петербургских университетских философов — не касается собственно «философского дела» (или — «дела философского образования»). Здесь, в «философском деле как таковом», — несколько иной ракурс, предполагающий

многообразии мнений, зависящий от позы и взгляда говорящего. Имеются в виду другие, чисто формально-деятельностные обстоятельства, которым трудно что-либо противопоставить или возразить: общественный резонанс, вовлеченность в государственное строительство, возможность не просто породить и донести свою мысль до других (избранных), но и — так или иначе — воплотить ее, эту мысль, в императивы и постулаты социальной реальности.

В самом деле, сколько бы мы ни возводили на пьедестал славы и величия наших предшественников, преподавателей философии в стенах университета, да и, если брать более широко, российских философов, сколько бы ни наделяли их экстаическим даром схватывать суть происшедшего и грядущего, сколько бы ни тщились доказать их культурную значимость, нельзя не признать, что все здесь происходящее (и события мысли, и события действий) имело и имеет весьма слабый резонанс за пределами нашего философического коридора и весьма незначительно влияет (если вообще влияет) на общегосударственный контекст жизни, и уж тем более — на выработку стратегически-тактических императивов. Даже такие события в истории нашего Санкт-Петербургского университета, как начавшиеся в 1821 г. «неурядицы с философами» [1, с. 65], происходившие в 30-х гг. XIX в., гонения на философию: «Гонения на философию... того периода, конечно же, определялись взглядами и пристрастиями чиновников» [1, с. 66]), шумное упразднение философского факультета в 1850 г., практически непрерывные эксцессы, в основном идеологического характера, случавшиеся во времена «новой истории» (советский период), или такое эпохальное для российской культуры событие, как «философские пароходы», среди пассажиров которого были в том числе и преподаватели философии Санкт-Петербургского университета, событие, прогремевшее, как нам кажется, эхом по всему миру и повлиявшее радикальным образом на эволюцию российской общественной мысли XX в., все это — «корпоративные дела» и не более того. Сказать, что они как-то взволновали «широкое общественное мнение», повлияли на ход петербургской, российской или мировой истории или в какой-то мере «принимались в расчет» в государственном строительстве, — не погрешив против истины, невозможно. Но и то справедливо, что подобное отношение к представителям «философской корпорации» со стороны власть имущих — не исключение, а, скорее, правило, многократно подтвержденное в прошлом: как пространство, откуда приходят некие инвестиционные импульсы, чаще всего так и не востребованные на практике, или область-хранилище элегантных умозрительных лакомств — и оберегаемо, и поощряемо, и культивируемо, но едва ли более этого. Тем интереснее попытаться осмыслить хоть и редкие, но весьма

впечатляющие прецеденты, когда философ — уже не персонаж, обладающий символическим и в социальном плане весьма туманным «духовным саном», но извергнутый в череду дней и ночей жизни. Ю. Н. Солонин как раз и может считаться таким экстраординарным примером: не теряя связь с профессией во всю пору своего «хождения во власть», он оставался действующим, не чисто номинально и формально, деканом философского факультета СПбГУ, принимал (и не только протокольно-представительское) участие в научной и повседневной жизни возглавляемого им подразделения, руководил исследовательскими проектами, писал философские работы, ничем не уступающие (по глубине, оригинальности и значимости) тексты кабинетно-университетским коллегам по цеху, — и он принимал участие в масштабном государственном строительстве.

«Ю. Н. Солонин реализовал идеал Платона, согласно которому государством должны управлять философы. Ведь политика — это судьба, которую еще никому не удавалось взять в руки» [2, с. 188]. Сюжет «философ(ия) и власть» (или, как вариант, «философ(ия) и политика»), хотя в истории и редок, тем не менее не настолько, чтобы можно было бы им пренебречь или вовсе проигнорировать как не имеющего никакого отношения к эволюции философской («профессиональной») реальности. И со стороны позиционирования «концепта», и с точки зрения «производителя концепта». С первой стороны-аспектом все более или менее очевидно и общеизвестно. Существует ряд популярных, и не только среди профессионалов, текстов-трактатов, восходящих к еще первым дням творения философического мира, в которых напрямую затрагиваются вопросы взаимоотношения философа и власти, а также проговариваются принципы, которым должен следовать правитель, дабы государство — как некая сквозная спаянность, «силовая единица» — было жизнеспособным, хотя и не всегда приятным для населения: «Государство» и «Законы» Платона, «Лунь-Юй» Конфуция, «Государь» Н. Макиавелли, «Левиафан» Т. Гоббса, «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита, «Философия права» Г. В. Ф. Гегеля, работы И. Канта («Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «К вечному миру», «Метафизика нравов», «Метафизические начала учения о праве» и др.), «Воля к власти» Ф. Ницше; из менее отдаленных от нас времен — «Исследование авторитарной личности» Т. В. Адорно, «Vita activa, или о деятельной жизни» Х. Арндт, «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и ряд небольших текстов, опубликованных в двухтомнике «Интеллектуалы и власть» М. Фуко, и др. С начала XX в. в качестве отдельного и весьма бурно развивающегося направления в пределах философского знания как такового оформи-

лась философия политики (или, как вариант, — политическая философия), которую «можно определить как науку о наиболее общих основаниях и возможностях политики, о соотношениях в ней объективного и субъективного, закономерного и случайного, сущего и должного, рационального и иррационального» [2, с. 5]. В канонический «иконостас ярких представителей и выдающихся мыслителей» данного направления входит довольно большой круг персон — от почившего еще в XV в. Л. Валлы до ныне еще здравствующего, хотя и подрастерявшего популярность в последние десятилетия Ф. Фукуямы. Безусловно, с осмыслением и исследованием интересующего нас философского сюжета все обстоит более или менее благополучно: эйдетическая аналитика обстоятельств данности, обзор и оценка ситуаций (как в прошлом, так и в настоящем), выделение фундаментальных констант, возможности и регламента их реализации в государственно-политической повседневности, прогнозы и практические рекомендации и пр. — изобилуют. Однако: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [4, с. 4]. А с этим у философов дела обстоят хуже.

Хорошо известен первый прецедент-казус, ставший в этом вопросе своеобразной «перинатальной матрицей» (Э. Фромм) для философии: Платон и сиракузский тиран Дионисий. Весь пафос философа, направленный на воплощение собственных идей в реальную практику, закончился весьма печально: «Платон, уже будучи стариком, признавался в одном из писем, что у него, исполненного рвения служить обществу, все пошло вразброд и в конце концов потемнело в глазах» [2, с. 17]. Даже, судя по легендам, и того хуже: надоевший своими неуместными и очень настоятельными советами тирану, он был продан в рабство и лишь чудом избежал неволи. Задokumentированы современниками и попытки Л. А. Сенеки принять участие в государственном управлении (при Нероне), но «в конце правления Нерона, во второй половине 60-х годов люди, совмещающие в себе талант правителя и стремление к добродетели, оказались не нужны» [6, с. 38]. Хотя его последователь, Марк Аврелий Антонин, и разделял взгляды своего наставника на социальное устройство, вполне — на уровне деклараций, в своих многочисленных философских трактатах, соглашаясь с необходимостью трансформировать социально-политическую стилистку и имея на то реальные властные полномочия как император, тем не менее «при М. Аврелии в политическом плане не появилось ничего нового, никакого развития» [6, с. 38]. И «в случае со стоиками нахождение на престоле философа не дало в итоге сколько-нибудь значительных результатов» [6, с. 39]. Или еще один пример из «седых времен»: учитель

Кун (Конфуций) и его всекитайская государственная компания по «исправлению имен», закончившаяся полным крахом и отстранением его от всех должностей. Достопамятен также и отечественный (если точнее — российско-французский) пример, когда прогрессивных и передовых философов, определявших культурно-интеллектуальный саунд эпохи в той же мере, как и политическую конъюнктуру (во всяком случае, оценку последней), допустили до власти и даже позволили, как они первоначально полагали, ею, властью, управлять и руководить согласно собственным «правильным и обоснованным» представлениям, исходя из их собственных размышлений (но не наблюдений!) о природе человека: Екатерина Великая и французские просветители-энциклопедисты (Даламбер, Вольтер и Дидро). Долгие годы взаимных любезностей, куртуазных пространственных обращений, отеческих благолепных наставлений [7] не привели ни к какому результату. Судя по реальным делам великой строительницы Российской империи, советы своих великих наставников императрица почти полностью проигнорировала, а их труды и идеи после Французской буржуазной революции так и вовсе запретила. Столь же безрезультатна и была попытка Д. де Трасси — отца и основателя идеологии («эйдетического феномена», на протяжении всех последующих веков выступающего едва ли не самым главным детонатором политической жизни планеты) — при правлении Людовика XVIII, а также пришедшего после него к власти Наполеона Великого, вторгнуться и реформировать (исходя из собственных представлений о «должном, праведном и справедливом») важнейшую для функционирования любого государства воспитательно-образовательную практику. Или совсем недавний, широко обсуждаемый и совсем не простой в контексте исторических, так же как и философских, реалий второй половины XX в. (поскольку речь шла о национал-социалистической (фашистской) Германии) случай с М. Хайдеггером: его тесные связи, им самим зафиксированные в изданных в собрании сочинений «Черных тетрадах», немедленно спровоцировавших нешуточный скандал в философическом сообществе, взаимодействие с властью и непосредственное участие в выработке и принятии государственных решений в тот недолгий период, когда он занимал пост ректора Фрайбургского университета. Этот прецедент вызвал не только большой общественный резонанс, но и отклик среди коллег по цеху, а также имел не слишком приятные как для самого философа, так и для его наследия последствия (и служебного, и репутационного характера). «Записи Хайдеггера, включенные в уже опубликованные тома, охватывают десятилетний период. Начало помечено октябрём 1931 г., конец — 1941 г... Публикуются так называемые “Черные тетради” (подразумевается их черный

переплет, но можно ожидать, что названию будет придан дополнительный, уже переносный смысл). В них, — пишет П. Травны, — речь идет не об “афоризмах” как “жизненных мудростях”, но (далее идут слова самого Хайдеггера. — Н. М.) о едва различимых форпостах — и арьергардных положениях в рамках целостной попытки некоторого трудно выразимого осмысления, направленного на *завоевание пути для решения вновь поставленных изначальных вопросов, которые, в отличие от метафизического мышления, именуется мышлением бытийно-историческим *seynsgeschichtlichen**» (курсив. — Н. В. Мотрошировой) [8, с. 136]. Важно отметить, что и в этом случае как-то сопрячь «чистое умозрение» (философский взгляд-концепт-позу-размерность) и «реальный политический процесс», не удалось: «...философ сначала, ради философии, отвернулся от политического, чтобы затем вернуться к нему и приложить к области человеческих дел масштабы, история и опытная основа которых находились вне политического, в область, которая явно определена как наиболее чуждая и неизвестная для человеческих дел. Конец этой традиции политической философии вряд ли мог наступить иначе, чем так, что философ повернулся спиной к философии, чтобы «осуществить» ее в политике» [9, с. 23].

Приведенные примеры, казалось бы, должны были убедить в том, что реальная политика, реальный опыт государственного строительства — не место приложения философских усилий, не пространство, где научно-познавательное экспериментальное моделирование, тем более профессионально-авторское участие в процессе, уместно в принципе, даже и на уровне экспертных советов: жизнь — не концепт, не мечта и не умозрительно-подобная программа. Тем не менее попытки вторжения в процесс прогнозирования и конституирования социально-политической реальности со стороны «философствующих» (в той или иной мере) не прекращаются. Впечатляющим примером можно считать бурное развитие в XX в. социологии и политологии, опирающихся так или иначе на философский фундамент даже в своих сугубо эмпирически-прикладных экзерсисах, так же как и участие представителей данных областей знания в разнообразных государственных программах, равно как и при принятии решений по важнейшим аспектам бытия общества. Доводы в пользу того, чтобы философствующие, да и научно исследующие окружающий нас мир, были включены в число действенных актантов общегосударственной политической жизни, звучат весьма убедительно: «Ученый и власть. Должен ли ученый идти в политику? Может ли ученый быть советником власти? Примеров для самых разных выводов предостаточно. Некоторые из них удачны, другие (их большинство) — свидетельствуют о неэффективности подобных попыток. Тем

не менее к этому можно стремиться. Советники-ученые — «редкие птицы», но их функция настолько важна, что трудно отказаться от попытки ее выполнить — обеспечить движение в «разумном направлении» [10, с. 43]. Более того, как, вероятно, и ранее в истории, очевидно упорство философского сообщества в своих притязаниях на право участвовать в формировании политического кредо эпохи.

Аргументация в подобных заявках, равно как и используемая система доказательств, представляются вполне легитимно-оправданными. Апелляция к истокам, традициям и опыту: «Большое число философов, ученых, мыслителей в течение многих веков последовательно высказывали мысль о том и настаивали на том, что для обеспечения успешного развития, прогресса страны и общества, для благополучия людей и народа именно философы, мыслители, ученые должны играть ведущую роль в общественной и политической жизни, в обществе и политике, должны прямо и практически выполнять во власти функции руководства и управления обществом, страной, государством» [11, с. 156]. Апелляция к «компетенциям», которыми по нормативным профессиональным регламентам обладает специалист-философ: «сам характер деятельности философа, сама специфика философского восприятия реальности, особенно если он сосредоточен на познании общих проблем этики или социальной философии, делает его *apriori* знатком в области организации человеческого общежития, лучшим консультантом в вопросах управления обществом и государством. Другой вопрос, насколько полно реализуется потенциал философов в сфере государственного управления, насколько бывают они востребованы в данных исторических условиях, представителями конкретной властной элиты» [12, с. 103]. Наконец, апелляция к сущностному для философии как таковой: «Тема взаимоотношения философа и власти стара, как мир, вернее, как сама философия. Власть притягивает философа не только как объект исследования: анализируя и подвергая критике тот или иной вариант актуализации власти, философ всякий раз испытывает искушение самому сделаться участником этого процесса, предложить собственную конструкцию, которая, в свою очередь, станет (что вытекает из самой сущности власти) средством подавления или подчинения других» [9, с. 24] Выглядит, вроде бы, безупречно, сомнений породить не должно. Но так лишь с позиции самих представителей философского ведомства. Судя по всему, в опыте реальности — это «большое число философов, ученых и мыслителей», которые «в течение многих веков» с переменной успешностью, чаще — безуспешно, атаковали коридоры политики, власть до сего дня так и не впечатлило. Ситуация с Ю. Н. Солониным — редчайшее исключение.

Начало политической биографии Ю. Н. Солонина практически совпало с его избранием деканом философского факультета СПбГУ и со вхождением в актуальное российское научно-гуманитарное, в первую очередь философское, пространство. С начала 1990-х годов он входил в состав исполнительного комитета петербургской организации политического движения, оформившегося в 1995 г. в партию, возглавляемую премьер-министром В. Черномырдиным, просуществовавшую до 2000 г. и вошедшей затем в состав партий «Единая Россия», «Наш дом — Россия». В 1990 г. познакомился с В. Путиным, работавшим тогда в международном отделе ректората СПбГУ. От него, по словам Ю. Н. Солонина, он и получил предложение выдвинуть свою кандидатуру в депутаты Государственной думы, от которого первоначально отказался: «После расстрела Белого дома для меня это было неприемлемо»¹. С февраля 2005 г. по май 2013 г. являлся представителем в Совете Федерации (сенатором) от исполнительного органа государственной власти Хабаровского края. В верхней палате парламента Российской Федерации: с 2005 г. — член Комитета по социальной политике и первый заместитель председателя Комитета по науке, образованию, культуре и информационной политике (2005–2013); член Комиссии по информационной политике и первый заместитель Комиссии по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации. Комиссии и комитеты Совета Федерации — органы государственной власти, которые, имея по протоколу весьма скромные полномочия («выполняют подготовительно-вспомогательную функцию: осуществляют подготовку заключений по проектам ФЗ, одобренным ГД. По ФЗ, принятым ГД и переданным на рассмотрение СФ: разрабатывают и предварительно рассматривают законопроекты и проекты иных правовых актов; организуют проведение парламентских слушаний; решают вопросы организации своей деятельности и деятельности палаты: рассматривают в пределах своей компетенции иные вопросы, относящиеся к ведению СФ» [13]), тем не менее и по сути — инстанции, в которых артикулируется (прорабатывается, изменяется, трансформируется, формируется, проходит дискурсивную и концептуально-теоретическую экспертизу, подвергается умозрительной аналитике и пр.) содержательно-смысловой, так же как и риторически-идеологический фундамент тех принципов, которые затем утверждаются как общегосударственные законы, за исполнением которых следит правительство. Как видно, области, которые находились на законодательном попечении, в частности и Ю. Н. Солонина, т. е. регионы-аспекты социальной реальности, устройство и развитие кото-

---

¹ Из интервью Российской газете (06.12.2002).

рых совершалось под непосредственным патронажем власти, находясь в пределах юрисдикции последней, это — наука, образование, культура, информация (информационная политика). Но это как те сквозные сюжеты, которые он разрабатывал в течение всей своей профессиональной жизни: что осмыслял, о чем рассуждал, что исследовал в научных статьях и монографиях, наконец, о чем постоянно говорил в различных пространствах и ситуациях. Одним словом, это те рубрики, по которым можно разнести его философское наследие. Причем тематика его научного интереса определялась отнюдь не титулом должности: над многими, сквозными для его государственной деятельности, проблемами он начал размышлять гораздо раньше, еще не доискавшись поста сенатора. Познательно-пристрастное, научно-позитивное обозрение эйдетических горизонтов, аналитические интеллектуальные экспертизы различных топосов и состояний реальности, социальной в том числе, наконец, умозрительные выводы, к которым он приходил, безусловно, так или иначе определяли его и политические, и идеологические, и законотворческие предустановки.

Отметим некоторые «экзистенциальные» предустановки, оставшиеся неизменными во все время его философско-теоретической и государственно-практической деятельности.

О науке и научном знании: «Все попытки XX в. решить проблему единства знания... оказались неудачными. Ни одна из них не имела шансов продемонстрировать свою убедительность и выдержать напор методологического скептицизма... Решение проблемы единства знания прочно связано с изменением представлений о реальности, с фундаментальной перестройкой наших установок на понимание ее структурности» [14, с. 168]. «Сегодня соотношение фундаментального академического знания и знания постакадемического — это социальная проблема, касающаяся перспективы не только науки, но и страны, и человека в ней, коллективно признанная» [14, с. 168].

О культуре и культурологии: «В разработанных современной наукой представлениях о культуре развиты различные понимания ее специфичности как особой формы бытия... специфичность культуры состоит в том, что она характеризует только существование человека... Воспитание, развитие и жизнь человека в культуре означает в первую очередь процесс овладения им смыслами культурных знаков, что происходит в процессе включения его в коллективную деятельность» [15, с. 16]; «Несмотря на интенсивную экспансию методов естествознания в сферу культурно-исторической и вообще человеческой жизни и деятельности, занявшую почти весь XIX в. и особенно связанную со scientистским оптимизмом позитивизма и других версий рационализ-

ма, продолжало сохраняться положение, когда оставались без ответа важнейшие вопросы существования человека» [16, с. 191]

О России, идеологических ориентирах современного российского общества: «Современное общественное и культурное положение отмечено особенностью, которую можно истолковать как несогласие между настоящей потребностью в объяснительно-прогностической теории, ощущаемой повсеместно в нашем обществе, и неспособностью ее представить, которая демонстрируется официальным научным сообществом... Нельзя не признать, что все самые авторитетные теории XX в. оказались слабыми в своей прогностической части, т. е. тогда, когда они пытаются очертить структуру возможной социальной реальности, хотя бы по принципиальным признакам. Будущее оказалось более богато сюрпризами, чем это от него ожидали... Как бы то ни было, программа “открытости” или проблема России как “открытого общества” определенно имеет свою укорененность и не может пониматься как абсолютная новация для нашей духовной жизни конца XX в. Формула “Открытое общество” для России предполагает уяснение не менее важного вопроса: насколько сама Россия способна принять, связанную с этой формулой, социальную перспективу?» [17, с. 264]; «Консерватизм — идеологический и политический — в современной России востребован. Доказательство правоты этой констатации лежит на поверхности» [18, с. 8].

Насколько успешными или безуспешными были попытки Ю. Н. Солонина воплотить в реальной практике государственного строительства свои идеи, сказать невозможно. И потому, что слишком мало времени прошло — идеи овладевают умами, в том числе и власть имущих, не вдруг, — и потому, что проследить, как происходит интеграция некоего интеллектуального импульса-усилия в жизнь социального организма, в какие системы-императивы-институции-дискурсы конституируется, каким образом подобные спекулятивно-умозрительные инвестиции работают и функционируют на практике, — задача, если и посильная, то — пристрастному взгляду, который изначально аксиологически ангажирован, а значит, отфильтрует желаемое и будет использовать в качестве аргумента. Впрочем, это не имеет принципиального значения, ибо предмет наших сегодняшних размышления иной — не уяснение философских идей в жестах реальности и не их транспортировка-усвоение в повседневных политических властных дискурсах, но — экзистенциальная (она же и профессиональная) ситуация производителя подобных идей, т. е. философа, а также прояснение условий возможности интерпретировать подобные вылазки в «иное-чуждое», каковым является всякая неумозрительная практика, в качестве «своего-собственного», т. е. философского, хотя и изверженного.

Очевидно, и опыт Ю.Н.Солонина это прекрасно иллюстрирует, маршрут «восхождения от абстрактного к конкретному» (от философии к реальной практике) хоть и запутан, но не настолько, чтобы стать в принципе — в пределах дисциплинарно-профессионального региона, т. е. философии, — непреодолимым. Прецеденты и в прошлом, и настоящем случались. Нами упомянуты лишь самые эффективные, вошедшие в общекультурные анналы. Более того, если обратиться к профессиональному (философскому) архиву, то таковых персон отыщется немало больше. Тем не менее случаями, когда представитель философского знания покидает трон своего «эйдетического величия», навсегда или на время отрекается от своего символического духовного сана, интересуются и исследуют их. Подобные случаи, как правило, встречаются среди представителей иных, не философских, познавательных практик. О том, что случилось с Сократом, учителем Куном, Дидро, Хайдеггером и др., когда они погрузились в водоворот политической жизни, узнаешь от историков, либо коллекционеров всевозможных исторических сплетен, не обремененных научно-гуманитарным дискурсивным этикетом. Есть история философских идей, многократно и многовариантно зафиксированная, со своим привилегированным набором тем, сюжетов, проблем, вопросов, дополнений и комментариев, исходя из которых очерчивается определенная иерархически упорядоченная, «правильная», дисциплинарная серия (система), а аксиологически двусмысленная, как в рассмотренных случаях, игнорируется или рассматривается как второстепенное, привходящее, прикладное и обслуживающее. Почему?

Литература

1. Кобзарь, В. И. (2010), Философский факультет в СПбГУ, *Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений*, № 1, с. 62–73.
2. Дудник, С. И, Марков, Б. В. (2014), Философия, наука и политика в творчестве Ю. Н. Солонина, *Вестник Российского философского общества*, № 4, с. 182–189.
3. Панарин, А. С. (1994), *Философия политики*, М.: Наука.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955), *Тезисы о Фейербахе*, М.: Государственное изд-во политической литературы.
5. Лосев, А. (2005), *Платон. Аристотель*, М.: Молодая гвардия.
6. Сердюкова, С. Г. (2001), *Философы у власти: Луций Анней Сенека и Марк Аврелий Антонин. IV. Власть и общество в античности*. СПб.: Античное общество, Исторический факультет СПбГУ, с. 37–41.
7. Екатерина II (1907), *Сочинения императрицы Екатерины II. На основании подлинных рукописей. С объяснительными примечаниями академика А. Н. Пытина*: в 12 т. Т. 12, М.: Имп. Академия наук.
8. Мотроширова, Н. В. (2015), «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации, *Вопросы философии*, № 4, с. 121–162.
9. Миронов, В. В., Миронова Д. В. (2016), Философ и власть: случай М. Хайдеггера, *Вопросы философии*, № 7, с. 21–38.

10. Батури́н, Ю. М. (2019), *Ученый и власть*, М.: Изд-во РАН.
11. Семенов, В. (2011), *Философия и власть*, *Журнальный клуб Интелрос. Альтернативы*, № 1, с. 155–173.
12. Мирзоян, В. А. (2018), *Философ на службе у правителя*, *Вопросы философии*, № 10, с. 102–115.
13. Комитеты и комиссии Совета Федерации (2005), в: *Большая юридическая энциклопедия*, М.: ЭКСМО.
14. Солонин, Ю. Н. (1996), *Проблема единства знания: между системностью и целостностью*, *Вече*, № 4, с. 166–174.
15. Солонин, Ю. Н. (2003), *Понятие культуры: методологические и онтологические проблемы ее сущности*, в: *Введение в культурологию: курс лекций*, под ред. Солони́на, Ю., Соколова, Е., СПб., с. 14–33.
16. Солонин, Ю. Н. (2001), *Философия культуры в историко-методологическом уяснении*, *Серия «Symposium»: Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Санкт-Петербургское философское общество*, вып. 11, с. 189–200.
17. Солонин, Ю. Н. (2001), *Россия в контексте современной социально-философской мысли*, в: *Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сборник философских статей*, вып. 1, под ред. Маркова, Б. В., Солони́на, Ю. СПб.: Петрополис, с. 262–273.
18. Солонин, Ю. Н. (2004), *Консерватизм: актуальные проблемы*, в: *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)*, вып. 1, СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 6–13.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2021 г.;
рекомендована к печати 25 октября 2021 г.

Контактная информация:

Соколов Евгений Георгиевич — д-р филос. наук, проф.; EGSlov@gmail.com

Eruption from the spiritual rank. To the 80th anniversary of Yu. N. Solonin*

E. G. Sokolov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sokolov E. G. Eruption from the spiritual rank. To the 80th anniversary of Yu. N. Solonin. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2021, vol. 2, pp. 361–375. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2021.123> (In Russian)

The article is devoted to the issues of the relationship between philosophy and power, the philosopher's ascent to power. Although sufficient attention has been paid to the problems of state structure in classical philosophical systems since antiquity, and at the end of the 19th century an independent field — the philosophy of politics—was

---

*The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research research project (grant no. 20-011-00144 “Theoretical heritage of Philosophy in Leningrad-Petersburg. The second half of the twentieth century”).

formed, precedents when philosophers took a direct part in the development and implementation of socio-political programs are extremely rare and unsuccessful. The cases of Plato and the Syracuse tyrant Dionysius, the activities of Confucius as a major state official, the French enlighteners and Catherine the Great, D. de Tracy and Napoleon I, M. Heidegger and the Third Reich, etc. this is perfectly demonstrated. Meanwhile, the focus on practice, on the purposeful introduction of ideas into existential and everyday experiences of life, including state-political, is as immanent to philosophy as pure speculation. Yu. N. Solonin is an example of such a practical philosopher, a state builder. Exploring philosophical problems in his philosophical theoretical works, successfully leading the Faculty of Philosophy of St Petersburg State University for almost a quarter of a century, he also took an active part in the political life of both St Petersburg and the whole country. The post of senator in the Federal Assembly of the Russian Federation, work in various committees and commissions, where they were conceptually articulated and received their strategic expression, which was then fixed in the laws adopted by the parliament, provided an opportunity to influence the development of the state, as well as to clearly verify the fairness or error of their purely intellectual conclusions. Therefore, the experience of combining the individual, concrete-activity and speculative-contemplative aspects of the existence of the producer of philosophical concepts (i. e. a philosopher), as well as how one affects the other, can also be understood within the framework of the general history of the evolution of philosophical thought as such.

Keywords: philosophy, philosopher, power, politics, state construction, Federal Assembly, Russia.

References

1. Kobzar, V.I. (2010), The Faculty of Philosophy at St Petersburg State University. *Philosophical education. Bulletin of the Association of Philosophical Faculties and Departments*, no. 1, pp. 62–73. (In Russian)
2. Dudnik, S.I., Markov, B.V. (2014), Philosophy, science and politics in the works of Yu. N. Solonin, *Bulletin of the Russian Philosophical Society*, no. 4, pp. 182–189. (In Russian)
3. Panarin, A.S. (1994), *Philosophy of Politics*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
4. Marx, K., Engels, F. (1955), *Theses on Feuerbach*, Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian)
5. Losev, A. (2005), *Platon. Aristotle*, Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. (In Russian)
6. Serdyukova, S.G. (2001), *Philosophers in power: Lucius Annaeus Seneca and Marcus Aurelius Antonin*. Ancient Society. IV. Power and society in Antiquity Historical f-t of St Petersburg State University, pp. 37–41. (In Russian)
7. Catherine II (1907), *The Works of Empress Catherine II. On the basis of original manuscripts. With explanatory notes by academician A.N. Pypin*, in 12 vols, vol. 12, Moscow. (In Russian)
8. Motroshirov, N.V. (2015), “Lack notebooks” by M. Heidegger: following the publication, *Questions of philosophy*, no. 4, pp. 121–162. (In Russian)
9. Mironov, V.V., Mironova D.V. (2016), The philosopher and power: the case of M. Heidegger, *Questions of philosophy*, no. 7, pp. 21–38. (In Russian)
10. Baturin, Yu.M. (2019), *Scientist and authority*, Moscow: RAS Publ. (In Russian)
11. Semenov, V. (2011), Philosophy and power, *Alternatives*, no. 1, pp. 155–173. (In Russian)

12. Mirzoyan, V. A. (2018), The philosopher in the service of the ruler, *Questions of Philosophy*, no. 10, pp. 102–115. (In Russian)
13. Committees and commissions of the Federation Council (2005), in: *The Great Legal Encyclopedia*, Moscow: EKSMO. (In Russian)
14. Solonin, Yu. N. (1996), The problem of the unity of knowledge: between consistency and integrity, *Veche*, no. 4, pp. 166–174. (In Russian)
15. Solonin Yu. N. (2003), The concept of culture: methodological and ontological problems of its essence, in: *Vvedeniye v kul'turologiyu: kurs lektsiy*, St Petersburg, pp. 14–33. (In Russian)
16. Solonin, Yu. N. (2001), The philosophy of culture in the historical and methodological understanding, *Series "Symposium"*, The formation of the disciplinary space of cultural studies, iss. 11, St Petersburg Philosophical Society, pp. 189–200. (In Russian)
17. Solonin, Yu. N. (2001), Russia in the context of modern socio-philosophical thought, in: *Alienation of a person in the perspective of the globalization of the world*, iss. 1, St Petersburg: Petropolis Publ., pp. 262–273. (In Russian)
18. Solonin, Yu. N. (2004), Conservatism: actual problems, in: *Philosophy and socio-political values of conservatism in the public consciousness of Russia (from the origins to the present)*, iss. 1, St Petersburg: St Petersburg University Press, pp. 6–13. (In Russian)

Received: October 12, 2021

Accepted: October 25, 2021

Author's information:

Evgeniy G. Sokolov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; EGSlov@gmail.com